

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1985.2.02>

Александр УЙБО

МАРКСИСТСКОЕ И «РАЦИОНАЛЬНОЕ» ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

Классики марксизма-ленинизма специально не занимались теорией исторического объяснения, но создали теорию, которая объясняет историю человечества. Буржуазные философы, выдвигающие различные концепции исторического познания, пытаются построить «чистые» теории исторического объяснения, которые не зависели бы от теории исторического процесса.¹ Дискуссия по проблеме исторического объяснения, продолжающаяся в западной литературе около сорока лет, получила должную оценку в работах советских философов.² В частности, было показано, что, несмотря на все внешнее многообразие, предлагаемые решения проблемы исторического объяснения сводятся к оппозиции Гемпеля—Дрея.³ К. Гемпель и его сторонники утверждают, что историческое объяснение по своей логической структуре не должно отличаться от объяснения в естественных науках; У. Дрей и другие полагают, что в историческом познании имеет место принципиально иной тип объяснения.

В основе указанной оппозиции лежат не столько логико-методологические, сколько философские разногласия. К. Гемпель исходит из позитивистской идеи единства научного знания, У. Дрей продолжает идеалистическую линию Дильтея—Риккерта.⁴

Хотелось бы обратить внимание еще на один аспект данной дискуссии: поскольку речь идет о познаваемости исторического прошлого научными методами, мы имеем дело с тем или иным решением проблемы объективности исторического познания. В первой части статьи показывается, что концепция «рационального» объяснения У. Дрея является идеалистически-релятивистской, во второй делается попытка конструктивного анализа проблемы исторического объяснения.

¹ Литература по проблеме исторического объяснения в буржуазной философии истории чрезвычайно обширна. Кроме монографий, существует множество статей, а также антологий, включающих наиболее значительные статьи и фрагменты. См.: *Gardiner, P. The Nature of Historical Explanation*. Oxford, 1952; *Dray, W. Laws and Explanation in History*. Oxford, 1957; *Theories of History*. London, etc., 1959; *Philosophy and History*. New York, 1963; *Ideas of History*, 2. New York, 1969; *The Philosophy of History*. Oxford, 1974; *The Philosophy of Social Explanation*. Oxford, 1976; *Atkinson, R. F. Knowledge and Explanation in History*. Ithaca, 1978; *Dray, W. H. Perspectives on History*. London, etc., 1980; *Философия и методология истории*. М., 1977; и др.

² См.: *Кон И. С. К спорам о логике исторического объяснения*. — В кн.: *Философские проблемы исторической науки*. М., 1969; *Лооне Э. Н. Современная философия истории*. Таллин, 1980; *Порк А. Историческое объяснение. Критический анализ немарксистских теорий*. Таллин, 1981; *Ракигов А. И. Историческое познание*. М., 1982; и др. Наиболее детально данная дискуссия исследована А. А. Порком.

³ *Порк А. А. Историческое объяснение*, 62—63, 159.

⁴ *Кон И. С. К спорам о логике исторического объяснения*, 282—284.

В развитии исторического релятивизма можно выделить три этапа⁵: первый релятивизм, открыто провозгласивший непознаваемость исторического прошлого; перспективизм, декларировавший объективность «особого рода» для исторической науки, но установивший запрет на сопоставление по степени объективности исторических реконструкций, построенных с различных «точек зрения»; наконец, «интерперспективизм», пытающийся снять этот запрет, сохраняя в то же время основной постулат исторического релятивизма об отсутствии каких бы то ни было объективных критериев для выбора между альтернативными реконструкциями исторической реальности.

Несмотря на внешние разногласия и взаимную критику, представители исторического релятивизма сходятся в одном: теоретический компонент исторического знания (в зависимости от формы релятивизма, это система ценностей отдельного историка, «точка зрения», «модель реальности» и т. д.) принимается за субъективный, искажающий, никакого отношения к самой исторической реальности не имеющий фактор. Существенную роль при этом играет апелляция к временной дистанции между объектом и исследователем.

Вторым важнейшим признаком исторического релятивизма является постулат специфичности исторического познания, т. е. утверждение, что в силу тех или иных факторов познавательный процесс и средства познания исторической науки принципиально отличаются от таковых других наук.⁶

Теория рационального исторического объяснения, разработанная У. Дреем в противовес теории научного объяснения через «охватывающий закон», на первый взгляд не имеет отношения к комплексу проблем, поднятых историческими релятивистами. Как уверяет сам У. Дрей, он занимается только логикой, а не эпистемологией или психологией исторического мышления⁷, и спор относительно того, какую из двух моделей объяснения следует применять в истории, не имеет ничего общего с вопросом о том, на чем должно строиться историческое объяснение: на идеях людей или на объективных условиях их природного и социального окружения.⁸ На самом деле, конечно, все обстоит иначе.

Возражения У. Дрея против применимости теории К. Гемпеля в исторической науке сводятся в основном к следующим пунктам: 1) ссылки на законы редко встречаются в исторических объяснениях⁹; 2) если же иногда и встречаются, то законы не обладают объясняющей силой¹⁰; 3) даже если бы исторические законы и обладали объясняющей силой, то не существует общей теории истории (следовательно, и исторических законов)¹¹.

Поэтому следует отделить историческое объяснение от любого

⁵ Подробнее см.: *Уйбо А.* Эволюция исторического релятивизма. — Изв. АН ЭССР. Обществ. н., 1982, № 3, 290—303.

⁶ Марксистская критика исторического релятивизма дана в работах: *Кон И. С.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959; *Topolski, J.* Methodology of History. Warszawa, etc., 1976; *Могильницкий Б. Г.* О природе исторического познания. Томск, 1978; и др.

⁷ *Dray, W.* Laws and Explanation, 21.

⁸ *Дрей У.* Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в истории. — В кн.: Философия и методология истории, 43.

⁹ *Dray, W.* Laws and Explanation, 25, 51, 58.

¹⁰ Там же, 59—62, 108.

¹¹ Там же, 66, 81.

теоретического: специфически историческое объяснение дается в тех случаях, когда объясняемый объект не может быть понят в свете теории, и необходимо сослаться на его историю.¹² Это, однако, не является препятствием для построения историками столь же «качественных» объяснений, как и теоретические, поскольку теоретическое объяснение косвенно выполняет ту же задачу, что историк делает непосредственно: сводит к понятному то, что вызывает недоумение.¹³

Такое объяснение (т. е. не опирающееся на теоретические знания и законы) У. Дрей и называет рациональным. Это объяснение описывает рациональность того, что сделано, показывает, что при данных мотивах следовало поступить именно таким образом. Действие считается рационально объясненным, если оно находится в соответствии с принципами исторического агента, и неважно, что мы думаем об этих принципах.¹⁴ Рациональное объяснение устанавливает связь между убеждениями, мотивами и поступками исторических деятелей.¹⁵

Место закона в схеме Дрея занимает «принцип действия», т. е. утверждение типа «В ситуации C_1, \dots, C_n следует сделать X », причем в отличие от закона даже большое количество отрицательных примеров не опровергает принцип действия, так как он сохраняет объяснительную ценность для тех поступков, которые ему соответствовали¹⁶, и схема объяснения выглядит следующим образом:

Субъект A находился в ситуации типа C
в ситуации типа C следует сделать X

Поэтому A сделал X

Именно такое объяснение типично для истории; оно позволяет осветить событие с точки зрения действующего лица, т. е. понять, что было сделано, и обладает еще целым рядом достоинств. Такова в самых общих чертах концепция У. Дрея.

Рассмотрим теперь предпосылки, лежащие в основе этой концепции (ее автор признает только одну предпосылку: люди действуют в силу достаточных мотивов). Первая: У. Дрей исходит из «исторической» модификации идеалистической теории двух миров, согласно которой «процессы событий, образующие мир природы, совершенно отличны по своей сути от процессов мысли, образующих мир истории»¹⁷. На этом разделении, характерном для В. Дильтея, Г. Риккерта, Б. Кроче, Р. Дж. Коллингвуда и других идеалистов (причем приоритет явно или неявно отдается «миру идей», «миру ценностей» и т. п.) и восходящем через христианство к философии Платона, и базирующемся в данном случае постулат принципиальной специфики исторического познания. Данный постулат неизбежно приводит к историческому релятивизму, поскольку его приверженцы волей-неволей отрывают историческую науку от материальной практики, других наук и тем самым лишают историческое знание общенаучного статуса объективности.

Марксизм, как известно, исходит из принципа материального единства мира, который доказывается «не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания»¹⁸. Поэтому

¹² Dray, W. Laws and Explanation, 84.

¹³ Там же, 81.

¹⁴ Там же, 124—125.

¹⁵ Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении, 41.

¹⁶ Dray, W. Laws and Explanation, 132.

¹⁷ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980, 207.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., 20, 43.

методологический принцип единства научного знания марксистской гносеологии, в отличие от постулата принципиальной специфики исторического познания, базируется на прочном фундаменте марксистской философии, аккумулирующей и обобщающей достижения науки и практики. И в этом несомненное преимущество данного принципа не только перед противоположным подходом релятивистов, но и перед сходной установкой К. Гемпеля, где единство метода только постулируется.

Вторая предпосылка: в основе концепции рационального объяснения лежит восходящее через Декарта к Платону и Аристотелю предположение о существовании «самоочевидных» истин, т. е. интуитивизм, причем в наихудшем, иррационалистическом варианте. Если у Декарта и других традиционных рационалистов интуиция считалась высшим видом познания, дающим наиболее достоверное знание и, в сущности, лежащим в основе других видов познания, то В. Дильтей, Р. Дж. Коллингвуд и другие сторонники метода понимания противопоставили интуицию рациональному познанию, изъяв «мир духа» или «мир истории» из компетенции науки.

И несмотря на субъективные намерения авторов метода понимания и их заверения в том, что этот метод направлен против исторического субъективизма или релятивизма, в конечном счете он неизбежно привел к релятивизации исторического знания. Иначе и не могло быть, поскольку единственным критерием объективности исторического знания у В. Дильтея, Р. Дж. Коллингвуда и других оказывается сознание историка, который за «выраженной», «внешней» стороной события открывает внутреннюю, духовную. Это проникновение во внутренний мир совершается при помощи интуиции историка, который «переживает», «вновь проживает», «проигрывает» процессы, происходившие в «душе» или в сознании исторических агентов. Интуитивное познание возможно и необходимо в силу тождественности «актов мышления», т. е. тождественности исторического процесса и исторического познания. Не удивительно, что в таком случае критерием исторической истины оказывается «априорное воображение», а историческая мысль получает нужные данные от самой себя.¹⁹

Итак, в природе господствует необходимость, в истории — свобода. Естествоиспытатель занят поиском причин и законов, историк — воспроизведением мыслей; законов, определяющих действия людей, не существует — таковы основные положения теории понимания, которые воспроизводит и У. Дрей.

«Принцип действия», вводимый в схему исторического объяснения на место закона, представляет собой высказывание, описывающее «рациональность», т. е. интуитивно постигаемое равновесие между действиями и расчетами исторического агента. Устанавливает это равновесие историк на основе своих собственных расчетов, например, следующим образом: «Я нахожу его действие полностью интеллигивельным; он поступил точно так, как поступил бы я сам»,²⁰ при этом, как уже указывалось, принцип действия не подлежит фальсификации. Отсюда вытекает, что место изгоняемой теории в историческом познании занимает обыденное сознание отдельного историка. Дело в том, что без участия «априорных» компонентов невозможно никакое познание (впервые это показал И. Кант), а в данном случае роль таких компонентов отводится критически не анализируемым убеждениям, ценностным установкам, верованиям и т. п. Таким образом, в концепции рационального объяснения отсутствует критерий рациональности (на это обращал внимание

¹⁹ Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории*, 227—237.

²⁰ Dray, W. *Laws and Explanation*, 125.

К. Гемпель²¹), который в данном случае был бы ничем иным как критерием объективности и научности.

Далее, рациональное объяснение оказывается псевдообъяснением, поскольку принцип действия может быть чисто умозрительно сформулирован для любого единичного действия. Фактически этот принцип представляет собой экземплификацию для каждого конкретного случая принципа рациональности, о котором будет сказано ниже, и не нуждается ни в доказательстве, ни в обосновании.

Таким образом, объективно концепция У. Дрея является релятивистской. Постулат принципиальной специфики исторического познания требует особых методов познания и приводит к отрицанию применимости научных методов и критериев к познанию исторического прошлого. Процедура «понимания» и т. п., призванная заменить научные методы в историческом познании, базируется в конечном счете на интуиции исследователя. А поскольку «любая данная интуиция так же хороша, как и другая, то она не подлежит подгонке под какую-нибудь другую интуицию. Отсюда всякое знание есть знание личное или частное, что ведет к множественности теорий и даже мировоззрений. И нет никакой возможности выбора между ними, потому что они равноценны...»²², т. е. интуитивизм неминуемо приводит к релятивизму.

И хотя В. Дильтей, Р. Дж. Коллингвуд, У. Дрей не употребляют термина «интуиция», по существу понимание, переживание и т. п. ей идентичны, поскольку представляют собой особый вид познания, проникающий в сущность объектов, недоступных научному методу. Таким образом, различия между сторонниками метода понимания и «чистыми» релятивистами по проблеме объективности исторического познания остаются чисто словесными: те и другие утверждают, что история непознаваема научными методами, а попытки первых изобрести особый метод исторического познания заранее обречены на неудачу.

Третья предпосылка, на которой базируется концепция Дрея, — это «предпосылка рациональности», согласно которой люди действуют в силу достаточных мотивов. Принятие этой предпосылки не означает, согласно У. Дрею, что все действия всегда совершаются рационально, бывают и отдельные исключения, но в целом следует исходить из убеждения, что люди действуют разумно, руководствуясь собственными целями и убеждениями.²³

Данная предпосылка и образует основание всей модели рационального объяснения. Фактически она выполняет функции универсального положения, из которого и выводится принцип действия. Предпосылка рациональности означает, что последним, далее не анализируемым основанием деятельности людей, являются их сознательные цели, и требует при объяснении действий принимать точку зрения исторического агента, т. е. предписывает при изучении исторического прошлого исходить из примата сознания. Поэтому концепция У. Дрея является идеалистической и несовместимой с марксистской теорией исторического познания.

Не говоря уже о претензиях У. Дрея объяснить с помощью своей модели крупномасштабные исторические события, эта модель несостоятельна при объяснении любого единичного действия, хотя бы потому, что на уровне обыденного сознания или идеологии осознанные мотивы часто (если не всегда) выступают как псевдооснования, замещающие (или скрывающие) подлинные причины действий, скрытые в фундаментальных структурах человеческого бытия.

²¹ Гемпель К. Мотивы и охватывающие законы в историческом объяснении. — В кн.: *Философия и методология истории*, 84—85.

²² Бунге М. *Интуиция и наука*. М., 1967, 40.

²³ См.: *Dray, W. Laws and Explanation*, 137—138; *Дрей У.* Еще раз к вопросу об объяснении, 42—43.

В качестве таких причин, например, З. Фрейдом выдвигались «бессознательные влечения», В. Парето — инстинкты или «остатки», Э. Дюркгеймом — коллективные представления, а фундаментальной структурой, определяющей человеческую деятельность, в первых двух случаях оказывалась психика, частично даже биология человека, в последнем, напротив, социальная среда. Таким образом, даже в рамках современной буржуазной философии и социологии представления об определяющей роли сознательных мотивов («мыслей») в человеческой деятельности не являются общепризнанными, а характерны для сравнительно узкого круга идеалистов.

Марксизм, как известно, с самого начала совершенно однозначно сформулировал место и роль сознательных мотивов в структуре общества: «Над различными формами собственности, над социальными условиями существования возвышается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и мировоззрений. Весь класс творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответственных общественных отношений. Отдельный индивид, которому эти чувства и взгляды передаются по традиции и в результате воспитания, может вообразить, что они-то и образуют действительные мотивы и исходную точку его деятельности... в исторических битвах следует проводить различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной природой, их действительными интересами, между их представлениями о себе и их реальной сущностью»,²⁴ — писал К. Маркс в 1851 г., а затем прямо выдвинул методологическое требование объяснять сознание людей «... из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями»²⁵.

Одним из самых значительных достижений марксистской философии и является включение сознания в целостную систему социально-экономической деятельности в качестве необходимого компонента, открытие глубинных детерминизмов сознания и объективных методов его анализа.²⁶ И уж, безусловно, сознательные мотивы индивидов, партий, классов не могут служить основанием для объяснения их деятельности — если иметь в виду объяснение с позиций марксистской философии.

Итак, если под объяснением понимать научное объяснение, раскрытие сущности объясняемого объекта²⁷, то «рациональное» объяснение У. Дрея не является таковым, поскольку не содержит научного закона. Конечно, оно может быть преобразовано в универсализирующее обоснование путем введения искусственно сконструированных универсальных предписывающих положений²⁸, но главное заключается в другом: ссылка на мотивы, цели, сознание людей как на последние основания их деятельности является в современных условиях реанимацией идеализма в обществознании (показательно, что в своих последних работах У. Дрей почти полностью солидаризируется с основными положениями теории исторического знания Р. Дж. Коллингвуда²⁹). За спорами о логической структуре исторического объяснения в конечном счете скрывается борьба материализма с идеализмом. Концепция рационального объяснения

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., 8, 145.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., 13, 7.

²⁶ Подробнее см.: Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса. — Вопросы философии, 1968, № 6, 26—35.

²⁷ Подробнее см.: Никитин Е. П. Объяснение — функция науки. М., 1970; Никитин Е. П. Природа обоснования. Субстратный анализ. М., 1981.

²⁸ Такая попытка предпринята в статье: Егорова В. С., Карпович В. Н. К вопросу о логической структуре рациональных объяснений в истории. — Философские науки, 1977, № 3, 142—146.

²⁹ См., напр.: Dray, W. H. Perspectives on History, 9—26.

является релятивистско-идеалистической теорией, предписывающей (несмотря на все заверения в обратном ее автора) совершенно определенные представления о структуре исторической реальности и выполняющей совершенно определенную социальную функцию: через отрицание законосообразности исторической реальности опровергнуть социальную теорию марксизма. Поэтому использование термина «рациональное объяснение» в марксистских работах по теории и методологии исторического познания представляется неудачным.

С утверждениями У. Дрея, что он исходит из практики исторических исследований, дело, как кажется, обстоит наоборот: выбранная точка зрения на природу исторической реальности обуславливает отбор фактического материала — в данном случае сочинений историков-идеалистов, подтверждающих точку зрения У. Дрея. Иными словами, выбор модели объяснения в значительной мере определяется теоретическими компонентами исторического знания, для обозначения которых, за неимением лучшего, мною применялось понятие «теоретическая схема», заимствованное у В. С. Степина.³⁰ Теоретическая схема истории — это система абстрактных объектов, характеризующих наиболее существенные свойства изучаемой реальности — социальной системы. Высказывания теоретической схемы описывают основные элементы этой системы, их корреляцию, а также процесс развития в самых общих чертах. Блестящим образцом теоретической схемы в общественном познании является знаменитое предисловие К. Маркса к «Критике политической экономии».³¹ Видимо, нет нужды доказывать, что модель рационального объяснения и марксистская теоретическая схема принципиально несовместимы. Ясно и то, что историческое объяснение, как и объективность исторического познания, теснейшим образом связано с вопросом о природе и функциях исторической теории, который также нуждается в дальнейших исследованиях.

II

В советской литературе общепризнано, что в исторических сочинениях встречаются почти все типы объяснения, открытым же остается вопрос, какой тип (типы) научного объяснения является собственно историческим (если таковой имеется).

Во-первых, существует мнение, что таковым является мотивационное объяснение. Как, например, отмечает Ю. В. Петров, особенность мотивационного объяснения состоит в том, что оно присуще «только исторической науке (науке об обществе) и в других областях знания не может использоваться»³². В. В. Косолапов выделяет два типа исторического объяснения: объяснение объективной стороны исторического процесса и объяснение субъективной стороны исторического процесса, которое является мотивационным.³³

Коротко данную точку зрения можно сформулировать следующим образом: в исторической науке встречаются два основных типа объяснения — объяснение через закон и объяснение через мотив. Первый связан

³⁰ См.: Степин В. С. Становление научной теории. Минск, 1976. О теоретической схеме в истории см.: Уйбо А. С. Информационный подход к проблеме объективности реконструкции исторического прошлого. — *Философские науки*, 1982, № 1, 34—35; Уйбо А. Эволюция исторического релятивизма, 300—301. Понятие теоретической схемы вводится в структуру исторического знания и в книге: Ракитов А. И. Историческое познание, 225—230.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., 13, 7—8.

³² Петров Ю. В. Причинность в исторической науке. Томск, 1972, 202.

³³ Косолапов В. В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977, 332—334.

с внешней, объективной, необходимой стороной исторического действия, второй — с субъективной, внутренней стороной. Оба типа исторического объяснения совместимы друг с другом, хотя и различны по логической структуре, а их выбор зависит от объекта и целей исследования. Основные положения такого подхода к природе исторического объяснения были выдвинуты английским философом П. Гардинером.³⁴

Признание двух типов объяснения приводит к следующему затруднению: под термином «объяснение» фактически понимаются разные вещи. Мотивационное объяснение не является научным, поскольку не содержит закона науки. Кроме того, такое решение чревато опасностью релятивизации исторического знания, так как ненаучные объяснения не удовлетворяют критериям объективности, проверяемости и т. д. и не могут сопоставляться друг с другом.

Во-вторых, существует традиция рассматривать генетические связи явлений как главный, специфический предмет исторического исследования. На этой позиции стояли Э. Бернхейм, Н. И. Кареев, М. Уайт и многие другие исследователи. В рамках данной традиции находится и концепция исторического объяснения, разработанная Э. Н. Лооне. Историческими он называет такие научные объяснения, экспланансы которых содержат ссылку на более позднюю или более раннюю точку отсчета.³⁵

Исторические объяснения делятся на генеративные, эксплананс которых включает законы развития, и структурные, в экспланансе которых содержатся формулировки двух множеств законов (законов из системы отсчета и законов класса изучаемых систем) и двух множеств условий (некоторое множество условий системы отсчета и некоторое множество условий отдельного изучаемого объекта).³⁶ Генеративные исторические объяснения полностью соответствуют тому, что в общепринятой терминологии принято называть генетическими (или контрагенетическими) объяснениями.³⁷ Структурные исторические объяснения также, видимо, можно отнести к генетическим, поскольку они, наряду с вышеуказанными законами и условиями, должны еще включать «предпосылку качественного различия», которая и выполняет функции «времясодержащего» закона.

В целом данная точка зрения на специфику исторического объяснения вполне приемлема; она фиксирует тот несомненный факт, что историческая наука имеет дело с развивающимися объектами. Однако здесь есть и одно «неудобное» следствие: исторически могут объясняться положения, относящиеся к природным событиям и процессам. Само по себе это следствие вполне закономерно, ведь развивается не только общество, но и природа. Именно это обстоятельство имел в виду К. Маркс, когда писал: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей»³⁸.

Итак, если понимать историю в широком смысле, то специфически историческим оказывается генетическое объяснение, если же ее понимать как науку, изучающую прошлое человечества, то генетическое объяснение выходит далеко за ее рамки и не может считаться специфически историческим.

В-третьих, существует и еще один взгляд на природу исторического объяснения, который в большей или меньшей степени разделяют

³⁴ Gardiner, P. The Nature of Historical Explanation, 49—50, 136—139.

³⁵ Лооне Э. Н. Проблема исторического объяснения. — Философские науки, 1975, № 6, 32.

³⁶ Там же. См. также: Лооне Э. Н. Современная философия истории, 190—192.

³⁷ См.: Никитин Е. П. Объяснение — функция науки, 83, 94.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., 3, 16.

такие авторы, как А. Н. Елсуков, И. С. Кон, А. А. Порк, А. И. Раки-тов и др. Наиболее четко этот подход сформулирован А. А. Порком: «Историческое объяснение: 1) вскрывает сущность объясняемого объекта путем ссылки на соответствующий закон (законы) науки; 2) в логическом плане является выводом, где объясняемое положение (экспланандум) логически выводятся из объясняющих положений (эксплананс); 3) дается объектам исторической науки и в рамках исторической науки»³⁹, а гносеологическая специфика исторического объяснения состоит в том, что при сохранении общих, обязательных признаков научного объяснения оно содержит и многие другие, которые проявляются слабее или, наоборот, сильнее, чем у других видов научного объяснения.⁴⁰ К этим признакам относятся:

1) комплексный характер — в силу многоплановости исторических событий в объяснении используется не один, а несколько законов, например, законы, относящиеся к разным сферам общественной жизни (экономические, социальные, психологические и т. п.), законы разной степени общности и т. д. (И. С. Кон, Н. Г. Козин, А. И. Раки-тов и др.)⁴¹;

2) имплицитный характер — часть эксплананса (обычно законоподобное положение) не приводится в тексте, а подразумевается (А. А. Порк и др.);

3) сложный, комбинированный характер — историческое объяснение состоит из нескольких, дополняющих друг друга типов объяснения — например, один и тот же объект получает генетическое, структурное, функциональное и т. д. объяснения (И. С. Кон, А. Н. Елсуков⁴² и др.).

В целом в основе данного подхода лежит выделение исторического объяснения по экспланандуму (поскольку историческая наука изучает исторические объекты, то высказывания, их описывающие, будут также историческими), т. е. историческим считается объяснение, содержащее «исторический» экспланандум. При всех достоинствах этой точки зрения на природу исторического объяснения она оставляет чувство некоторой неудовлетворенности, так как специфика исторического объяснения остается все же невыясненной.

Итак, налицо три основные позиции по проблеме исторического объяснения в советской литературе: первая относит к историческому мотивационное объяснение, вторая — генетическое, а третья — все научные объяснения, даваемые историками (оговоримся, что данные позиции выделены в результате определенной абстракции). Каждая из этих позиций, несомненно, отражает одну из характеристик, действительно присущих историческому объяснению. Ниже делается попытка построить схему марксистского исторического объяснения, которая синтезировала бы результаты, полученные в литературе как по проблеме исторического объяснения, так и по ряду разделов исторического материализма. При этом я исхожу из положения, что схема объяснения в некоторых существенных аспектах задается теорией объекта, каковой в данном случае является исторический материализм (предлагаемая схема относится, конечно, к социально значимым и социально детерминированным событиям).

Сравним два объяснения одного и того же исторического события: первого раздела Польши в 1772 г. Одно предложено К. Р. Поппером как

³⁹ Порк А. А. Историческое объяснение, 163.

⁴⁰ Там же, 164.

⁴¹ См.: Кон И. С. К спорам о логике, 271—272; Козин Н. Г. Познание и историческая наука. Саратов, 1980, 121—122; Раки-тов А. И. Историческое познание, 277—279.

⁴² См., напр.: Елсуков А. Н. Проблема объяснения в социально-историческом исследовании. — В кн.: Философия, методология, наука. М., 1972, 226—227.

возможный пример исторического объяснения, и с тех пор оно кочует из одной монографии в другую. Согласно К. Р. Попперу, если мы объясняем этот раздел тем, что указываем на неспособность Польши противостоять объединенным силам России, Пруссии и Австрии, мы имплицитно используем тривиальный универсальный закон: «Если из двух армий, примерно одинаково вооруженных и руководимых, одна имеет огромное превосходство в людях, то вторая никогда не победит»⁴³.

Второе объяснение дано советскими историками: «В середине XVII в. Речь Посполитая вступила в полосу жесточайшего политического кризиса, связанного с восстанием украинского народа, шведским вторжением в Польшу и затяжной войной с Россией. Политические события углубили черты застоя и упадка, обнаружившиеся в экономике Польши уже с начала этого века. Эти черты выступают прежде всего в технике земледелия, вообще консервативной для всего феодального периода.... Города, торговля и промышленность во второй половине XVII в. также находились в упадке....»

Экономический упадок Речи Посполитой сопровождался ее политическим упадком. Если значение королевской власти было давно подорвано, то теперь потерял свое значение и другой орган центральной власти — сейм. Установление в XVII в. принципа «либерум вето», т. е. полного единогласия при решении дел, давало право любому участнику сейма выступить против сеймового постановления и в таком случае оно отменялось....

Речь Посполитая была сильно ослаблена и в военном отношении. Польское феодальное войско («посполитое рушение»), в котором преобладала конница, отличавшаяся недисциплинированностью, потеряло свое значение. Большая часть регулярного войска состояла из иностранных наемников. Военное командование не пользовалось авторитетом, его деятельность характеризовалась чудовищными злоупотреблениями....

Речь Посполитая вступила в XVIII в. уже ослабленной, а крупные потрясения, которые пришлось испытать стране в первые десятилетия этого века, еще более расшатали Польское государство. Непрерывные войны, разорение страны иностранными армиями и эпидемии повлекли за собой хозяйственную разруху и сокращение численности населения.... В политической жизни страны главенствующее положение по-прежнему занимали магнаты, сосредоточившие в своих руках высшие административные и военные должности. Дворянская анархия и взаимная борьба магнатских группировок привели Речь Посполитую в плачевное состояние. Соперничавшие между собой европейские державы вмешивались во внутренние дела Польши и стремились подчинить ее внешнюю политику своим интересам....

Пруссия и Австрия воспользовались напряженной обстановкой в Польше и приступили к захвату пограничных польских областей. В то же время, осенью 1768 г., Турция объявила войну России, вследствие чего значительные русские военные силы были отвлечены на новый театр военных действий. Правительство Екатерины II опасалось возможного выступления Австрии на стороне Турции. Кроме того, Екатерина II имела основание не доверять нейтралитету Пруссии, а главное не могла надеяться на прочность своего влияния в самой Польше. В этих условиях она дала согласие на раздел Польши.... Речь Посполитая была бессильна отстоять свои границы, и сейм 1773 г. утвердил акт раздела. Этот раздел означал полное подчинение Речи Посполитой соседним государствам и предопределил — в результате двух последующих разделов, 1793 и 1795 гг., — ее окончательную гибель»⁴⁴.

⁴³ Popper, K. R. *The Open Society and Its Enemies*, 2. London, 1973, 264.

⁴⁴ *Всемирная история*, 5. М., 1958, 463—477.

На первый взгляд, по своей логической структуре оба объяснения идентичны — во втором также используется имплицитный закон типа: если страна ослаблена в экономическом, политическом и военном отношениях, то она не может противостоять агрессии со стороны более сильных государств. Экспланандумом в обоих случаях является высказывание об одном и том же событии. И все же при более внимательном рассмотрении можно заметить, что второе объяснение отличается от первого: в нем antecedentes условия объясняющего закона не просто фиксируются, но и сами получают генетическое объяснение при помощи других имплицитных законов, например: экономический кризис влечет за собой политическую дестабилизацию, которая, в свою очередь, способствует углублению экономического кризиса... и т. д.

Иными словами, antecedentes условия объясняющего закона сами оказываются экспланандумом другого, параллельного объяснения. В простейшем случае историческое объяснение имеет вид:

$$\begin{array}{l} E, \text{ потому что } L, C; \\ C, \text{ потому что } G, Y, \end{array}$$

где E — экспланандум, L — объясняющий закон, а C — antecedentes условия основного объяснения. Одновременно C оказывается экспланандумом параллельного объяснения, G — закон, а Y — условия последнего.

Чем же объясняется необходимость дополнительного обоснования antecedentes условий в исторических объяснениях? Во-первых, сохранившиеся исторические источники могут просто не содержать необходимой информации о состоянии дел в нужный момент времени T . Но если имеется информация о соответствующих условиях Y в моменты времени $T-1, T-2, \dots, T-K$ и известен закон связи состояний Y_{T-K}, \dots, C_T , то наличие условий C_T может быть установлено с достаточной степенью достоверности.

Во-вторых, выбор объясняющего закона определяется теоретической схемой, применяемой историком. Генетическое объяснение antecedentes условий как необходимого, закономерного состояния объекта одновременно является и обоснованием необходимости применения данного объясняющего закона. Кроме того, не следует забывать, что в исторической реальности одновременно действует не один, а множество законов разной степени общности. Генетическое объяснение antecedentes условий позволяет выделить ту совокупность законов, которая является главной, определяющей в возникновении исторического события, отраженного в экспланандуме.

Таким образом, рассмотренная структура объяснения вытекает из некоторых особенностей исторической реальности и исторического познания и поэтому, на мой взгляд, обладает определенными преимуществами. Однако сама по себе структура объяснения еще не определяет всей его специфики. Необходимо также проанализировать характер законов, образующих эту структуру.

Какие же законы должны входить в состав исторического объяснения (речь, естественно, идет о законах науки, а не о законах исторической реальности)? Исторические законы — напрашивается простой ответ. К сожалению, такой ответ ничего не проясняет, так как под историческими законами в современной марксистской литературе понимают довольно-таки различные объекты. Например, Э. Н. Лооне противопоставляет законы функционирования и законы развития, и именно последние называет «историографическими законоформулировками», которые применяются в собственных исторических объяснениях.⁴⁵

⁴⁵ Лооне Э. Н. Современная философия истории, 170.

А. Я. Гуревич, сравнивая исторические законы с общесоциологическими, считает, что историческое объяснение не может ограничиться ссылками на социологические законы и что в нем должна применяться «конкретная историческая закономерность». Последняя проявляется на протяжении ограниченных отрезков времени, в конкретной обстановке и формируется на основе совокупности всех причинных и иных связей общественного развития в данном обществе и в данный период.⁴⁶

Наконец, Н. Ирибаджаков, Ю. В. Петров и др. утверждают, что нет никаких специфических исторических законов, а существуют только социологические, экономические, психологические и т. п.⁴⁷ Данный перечень может быть легко продолжен, но и приведенные взгляды убедительно демонстрируют семантическую перегруженность термина «исторический закон» и, как следствие, его неперспективность при экспликации понятия «историческое объяснение».

Однако в марксистской философии существует и другое, родственное понятие — социальный (общественный) закон, судьба которого сложилась более удачно. Существование социальных законов признается всеми авторами, нет разногласий и в выделении главных особенностей этих законов: в отличие от природных, общественные законы включают в качестве необходимого условия своего осуществления сознательную деятельность людей, являются законами человеческой деятельности.⁴⁸ К социальным относят законы социологические, экономические и т. д.

Представляется обоснованной точка зрения В. Ф. Паркина, который пишет: «Сфера действия законов ограничивается ... определенными общественными отношениями — технологическими, материальными, экономическими, политическими, социальными, идеологическими, духовными и т. д. Социальные законы — это законы определенных общественных отношений или связи между ними»⁴⁹. Иными словами, по сфере действия понятие социального закона охватывает всю совокупность законов, регулирующих человеческую деятельность (разумеется, деятельность человека зависит и от законов природы, но действие последних все же опосредовано социальными законами).

Рассмотрим теперь механизм включения сознательной деятельности людей в структуру социального закона. Общий подход классиков марксистской философии к этому вопросу хорошо известен: «... идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»⁵⁰. По словам И. И. Кауфмана, которые сам К. Маркс характеризовал как удачное изложение диалектического метода, «Маркс рассматривает общественное движение как естественноисторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами определяющие его волю, сознание и намерения...» (выделено мной — А. У.)⁵¹.

Таким образом, социальные законы не только действуют независимо от сознательных мотивов людей, но и включают эти мотивы, определяют их формирование и направленность. Другими словами, основная

⁴⁶ Гуревич А. Я. Об исторической закономерности. — В кн.: Философские проблемы исторической науки, 54—55.

⁴⁷ См.: Ирибаджаков Н. Клио перед судом буржуазной философии истории. М., 1972, 202—203; Петров Ю. В. Практика и историческая наука. Томск, 1981, 374—376.

⁴⁸ См.: Глезерман Г. Е. Законы общественного развития: их характер и использование. М., 1979, 76—80; Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. М., 1981, 128—141; Паркин В. Ф. Социальный детерминизм как проблема развитого социализма. М., 1981, 96—114; и др.

⁴⁹ Паркин В. Ф. Социальный детерминизм, 104.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., 23, 21.

⁵¹ Там же, 20.

часть мотивов, целей, интересов и т. п. задается действующими социальными законами, а сами эти мотивы и т. п. входят (явно или неявно) в число необходимых условий действия этих законов. Например, реализация законов капиталистического производства предполагает, что капиталист «хочет произвести не только потребительную стоимость, но и товар, не только потребительную стоимость, но и стоимость, и не только стоимость, но и прибавочную стоимость»⁵².

Но «хочет» всего этого капиталист только потому, что таковы законы капиталистического способа производства: «Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественноисторический процесс, — писал К. Маркс, — поэтому с моей точки зрения, меньше чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно»⁵³.

Закон революционной ситуации, сформулированный В. И. Лениным, прямо включает в число необходимых условий наступления революции наряду с объективными условиями сознательную деятельность, «... способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно **сильные**, чтобы сломить (или надломить) старое правительство...»⁵⁴. Однако и данная способность, в конечном счете, зависит от глубины объективных перемен, происходящих в обществе.

В целом главный методологический принцип марксистского подхода к объяснению социальных явлений заключается в том, что сознательная деятельность индивидов рассматривается как необходимое условие функционирования социальной системы, причем формы и содержание этой деятельности (в том числе и цели, мотивы, интересы и т. п., выступающие в качестве непосредственной, осознанной причины человеческих действий) определяются законами функционирования и развития всей системы, т. е. социальными законами. Поэтому задача историка, объясняющего то или иное историческое событие, заключается не только в том, чтобы выявить цели, мотивы, интересы, побудившие к действиям участников этого события, но и в том, чтобы раскрыть те социальные законы, порождением и отражением (часто неадекватным, даже фантастическим) которых эти цели, мотивы, интересы являются.

Сказанное не означает, конечно, как это пытаются представить буржуазные теоретики, что марксизм ведет к утверждению «исторической неизбежности», к фатализму. Данная точка зрения была убедительно опровергнута еще Г. В. Плехановым.⁵⁵ Отметим, что свобода человека проявляется не только в познании исторической необходимости и служении ей, но и в свободе выбора своих целей, идеалов, ценностей и т. п. В любом обществе всегда есть возможность выбора, хотя бы между приспособлением и оппозицией, и место, которое занимает в нем человек, зависит не только от внешних условий, но и от самого человека, его свободного выбора.

Этот выбор зависит от информированности, волевых качеств, установок и других психологических характеристик личности и в определенной степени случаен.⁵⁶ Реакция человека на внешние обстоятельства не определяется только последними, поэтому социальные законы реализуются для системы в целом, и эта реализация может быть отложена вследствие сознательной деятельности социальных групп, интересам которых противоречит основная тенденция общественного развития.

⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., 23, 197.

⁵³ Там же, 10.

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., 26, 219.

⁵⁵ См.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, 2. М., 1956, 300—334.

⁵⁶ См.: Джигоев О. И. Природа исторической необходимости. Тбилиси, 1967, 66.

Анализируя революционную ситуацию, возникшую в ходе первой мировой войны, В. И. Ленин писал: «Долго ли продержится и насколько еще обострится эта ситуация? Приведет ли она к революции? Этого мы не знаем, и никто не может знать этого... ни один социалист нигде и никогда не брал на себя ручательства за то, что революцию породит именно данная (а не следующая) война, именно теперешняя (а не завтрашняя) революционная ситуация»⁵⁷. Однако события, вытекающие из фундаментальных социальных законов, рано или поздно неизбежно наступают, и характерно, что как раз та революционная ситуация, о которой писал В. И. Ленин, привела к ряду социалистических революций в Европе, в том числе и к победоносной Октябрьской революции.

Подводя итоги, отметим два признака социальных законов, важных в интересующем нас контексте: во-первых, сфера их действия охватывает все уровни социальной системы; во-вторых, механизм их действия включает сознание людей в качестве необходимого условия, включает, конечно, не в том смысле, что люди сознательно подчиняют свои действия социальным законам, но в том, что преследуя свои собственные, свободно избранные цели, добываясь своего собственного, личного благополучия, человек одновременно совершает действия, необходимые для «срабатывания» комплекса социальных законов, присущих данной социальной системе. Иначе говоря, феномены, которые приверженцы релятивистско-идеалистического направления буржуазной философии истории трактуют как феномены чистого сознания (цель, мотив, интерес и т. п.) и которые, действительно, предшествуют действиям людей, находят свой источник и свое объяснение в функционировании социального целого. И только сбой в самых глубинных слоях системы, необходимость частичного «ремонта» или полной замены механизма социальной регуляции приводят к социально значимой переориентации целей, мотивов и т. п. больших групп людей.

Указанные признаки социальных законов позволяют, на мой взгляд, ввести понятие социального закона в определение исторического объяснения. Тогда марксистское историческое объяснение можно будет охарактеризовать как научное объяснение через социальный закон, в котором antecedентные условия получают параллельное генетическое объяснение.

Минимальной совокупностью законов, входящих в историческое объяснение, оказывается конъюнкция социальных и генетических законов (я оставляю открытым вопрос о том, являются ли все социальные законы одновременно и генетическими). Необходимость включения в историческое объяснение социального закона вытекает из специфики объекта познания — социальной системы, а генетического — из специфики способа познания — реконструкции исторического прошлого.⁵⁸

⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., 26, 222.

⁵⁸ Справедливо и обратное, так как способ познания в конечном счете определяется спецификой объекта познания, т. е. необходимость включения генетического закона также вытекает из специфики объекта познания. Однако в данном случае хочется подчеркнуть, что историческое объяснение без использования генетических законов невозможно именно вследствие специфики способа познания (тогда как другие общественные науки могут объяснять социальные явления и без привлечения генетических законов). Необходимо также отметить, что наличие определенной специфики исторического познания вовсе не означает, что результаты этого познания необъективны, или объективны «в особом смысле» и т. п., поскольку можно выделить уровень, на котором эта специфика исчезает. Для решения данной проблемы мной был использован информационный подход, базирующийся на концепции социальной памяти, разработанной Я. К. Ребане. Это позволило показать принципиальное единство структуры научного и исторического познания на уровне информационных процессов (см.: Ребане Я. К. Принцип социальной памяти. — Философские науки, 1977, № 5, 94—101; Уйбо А. С. Информационный подход к проблеме объективности).

Как известно, введение объяснительных факторов в содержание научного знания является одним из способов развития концептуального аппарата науки.⁵⁹ Максимальное использование тех объяснительных возможностей, которые открывает перед марксистской историографией наличие развитой (и развивающейся) теоретической основы, способствует дальнейшему прогрессу как исторической науки, так и марксистской социальной теории.

⁵⁹ См.: Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978, 312—314.

Представил Я. Ребане

*Институт истории
Академии наук Эстонской ССР*

Поступила в редакцию
9/X 1984

Aleksander UIBO

MARKSISTLIK JA «RATSIONAALNE» AJALOOSELETUS

Artikli esimeses osas on analüüsitud W. Dray «ratsionaalse» seletuse kontseptsiooni idealistlike aluseid. On näidatud, et kuna nimetatud kontseptsioon on relativistlik ja lähtub ajaloolise reaalsuse struktuuri mitteteaduslikest ettekujutustest, ei saa ta olla teadusliku ajalooseletuse näidis.

Teises osas on esitatud ajalooseletuse mudel, mis üldistab marksistlike uuringute tulemusi. Autori arvates võib ajalooliseks pidada seletust, milles kasutatakse sotsiaalseid seadusi ja mille anteedentsed tingimused saavad paralleelse geneetilise seletuse.

*Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Ajaloos Instituut*

Toimetusse saanud
9. X 1984

Aleksander UIBO

THE MARXIST VS THE «RATIONAL» HISTORICAL EXPLANATION

In the first part of the paper the idealistic presuppositions of W. Dray's «rational explanation» doctrine are considered. It is argued that this doctrine is a relativistic one and cannot serve as a model of a scientific historical explanation, being based on nonscientific ideas about the structure of historical reality.

In the second part a model of historical explanation is offered which synthesizes some results available in Marxist literature. From the author's viewpoint an explanation where social laws are used and in which antecedent conditions get a parallel genetic explanation can be considered as historical.

*Academy of Sciences of the Estonian SSR,
Institute of History*

Received
Oct. 9, 1984